

К 200-ЛЕТИЮ НАХОДКИ ПЕРВОГО
СТАРОРЯЗАНСКОГО КЛАДА

ДРАГОЦЕННОСТИ СТАРОРЯЗАНСКОГО КЛАДА 1822 ГОДА
В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ:
НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ИСТОРИКА ИСКУССТВА

© 2022 г. И. А. Стерлигова*

Государственный институт искусствознания, Москва, Россия

*E-mail: irinasterligova@mail.ru

Поступила в редакцию 02.02.2022 г.

После доработки 02.02.2022 г.

Принята к публикации 22.03.2022 г.

В статье представлен опыт рассмотрения золотых украшений Старорязанского клада 1822 г. в ряду статусных драгоценностей западноевропейских правителей XI–XIII вв. Золотые “бармы”, в XIX в. причислявшиеся к княжеским регалиям, принципиально отличаются от менее ценных и тиражируемых украшений. Стилистика, технология и типология таких драгоценностей развивались по своим законам, поэтому “бармы” нельзя рассматривать как пример региональной эволюции рязанской ювелирной школы, опиравшейся на западноевропейские образцы, но работавшей в византийских традициях. Подобная позиция противоречит общеевропейской системе культурных закономерностей той эпохи: появление новых технологических и художественных приемов прежде всего было связано с работами заезжих мастеров. Западноевропейские аналогии позволили выдвинуть предположение о работе в Рязани на рубеже XII–XIII вв. мастера из немецких земель, создавшего ансамбль украшенных филигранью вотивных даров для иконы Богоматери.

Ключевые слова: золотые украшения, методология изучения, стиль, предназначение, Древняя Русь, Западная Европа.

DOI: 10.31857/S0869606322020167

Золотые украшения древнерусских кладов являются своего рода мостом, соединяющим археологию и историю искусства. Драгоценности, прямо связанные с социальной верхушкой, отражают обычаи и мировоззрение своей эпохи и одновременно представляют собой часть художественной картины мира. Однако их единичность во всех мировых собраниях и труднодоступность для изучения осложняют работу исследователя. Необходимы не только знаточеский опыт, но и консультации реставраторов, а также обращение к кругу сходных произведений, хранящихся в разных странах. При всей нереальности соблюдения этих условий в наши дни все же можно высказать несколько замечаний о драгоценностях золотого Старорязанского клада 1822 г., широко известного как клад № 162 (Корзухина, 1954. С. 143, 144; Монгайт, 1955, С.140–142; Бочаров, 1983; Жилина, 2014. С. 306, 307), но все еще должным образом не изданного. Существует лишь единственное его полное воспроизведение по рисункам Ф.Г. Солнцева 1831 г. (Древности, 1851. Альбом. Табл. 34–37).

К украшениям клада не раз обращались археологи, изучавшие их в рамках эволюции древне-

русского ювелирного убора. Однако задачу “исторического исследования форм, стиля, бытового назначения” этих украшений, поставленную Н.П. Кондаковым, включения их не только в историю “художественной промышленности”, но и в историю искусства, все еще нельзя считать решенной, до сих пор не выработан общий взгляд, позволивший бы найти твердые точки опоры, о которых ратовал ученый (Кондаков, 1896. С. 3, 4, 6, 7).

У каждой дисциплины свои методы и задачи, терминологические традиции, и, что особенно важно, свое представление о понятии “стиль”. Согласно определениям одного из ведущих теоретиков искусства XX в. М. Шапиро, “для археолога стиль выражается в некоем узоре или мотиве, то есть в каком-то ясно узнаваемом качестве... изделия, которое помогает установить место и время его создания... Стиль здесь является характерным признаком, подобно другим, внеэстетическим свойствам изучаемой работы, он обычно исследуется как способ точного суждения о ней, а не в самоценной роли особого слагаемого культуры. Для историка искусства стиль представляет собою сущностно важный предмет исследования.

<...> Его стиль – это прежде всего *система* форм, наделенных неким качеством и *смысловой* (курсив наш. – И.С.) выразительностью” (Шапино, 1988. С. 385, 386). Такое понимание термина приводит нас к изучению клада в контексте истории культуры, соотносению его драгоценностей с представлениями властной и духовной элиты той эпохи. Надеемся, что это позволит уточнить и предназначение украшений.

Сразу же после находки клад поразил всех своей необычной роскошью, одних драгоценных камней разной величины на входивших в него предметах насчитали 286, причем 28 камней были очень большими, а общий вес, “не считая серебряной вызолоченной чешуи”, был почти 6 фунтов (Калайдович, 1823. С. 15). Золотые украшения были причислены к княжеским утварям, собирательно названы “бармами” и вплоть до конца XIX в. экспонировались нашитыми на ткань среди царских регалий в кремлевской Оружейной палате (рис. 1). Серебряные нашивные дробницы, в 1831 г. также поступившие в Оружейную палату, но не представлявшие интереса для экспозиции, в музее не сохранились. Наибольшее внимание привлекли крупные украшения с пышной филигранью, камнями и жемчугом, поименованные описателями клада “бляхами” и разделенными ими на три набора. К первому были отнесены две огромные двусторонние подвески в форме колтов, к двум другим – девять украшенных только с одной стороны медальонов (древнерусские книжники назвали бы их “цагами”) с оглавиями, входившие в ожерелья. На трех из них, меньшего, чем остальные размера, закреплены эмалевые священные изображения.

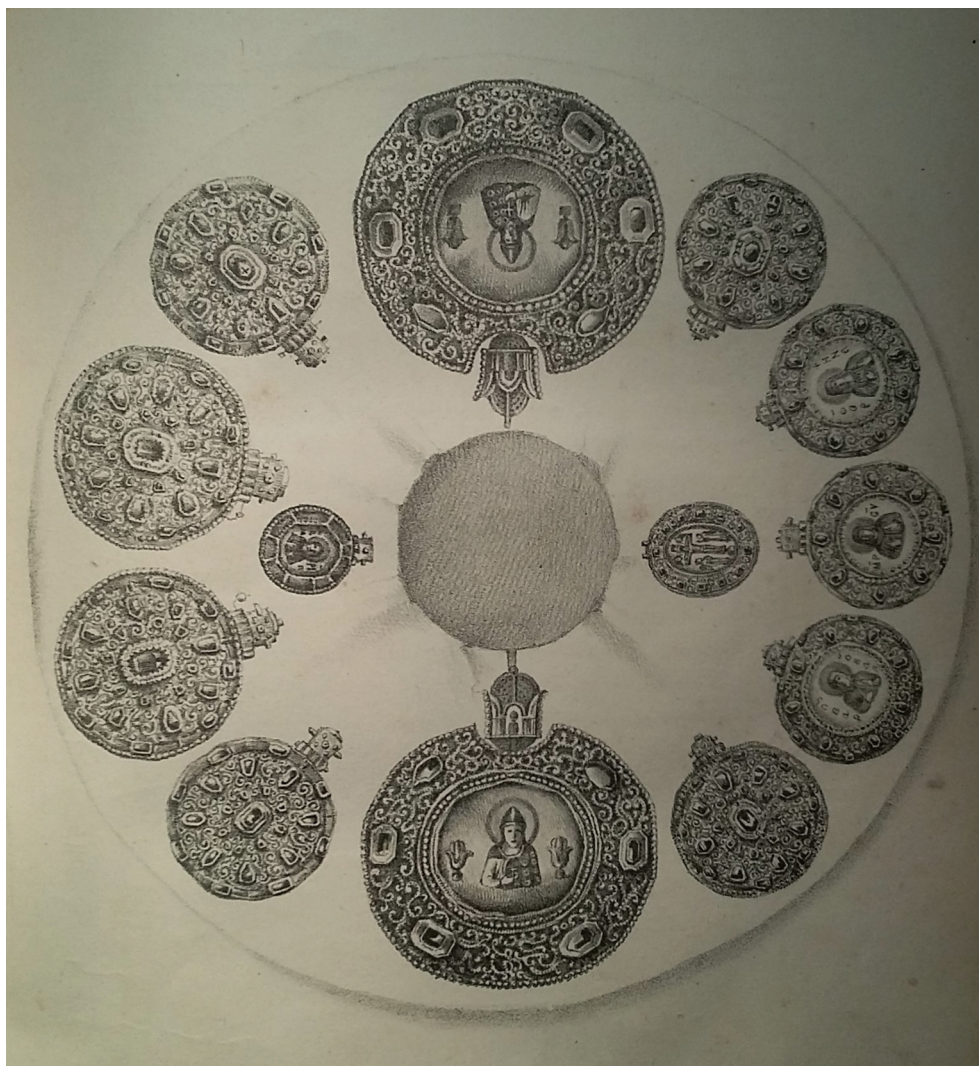
И в наши дни, когда число “земляных находок” значительно увеличилось, украшения клада выделяются небывалым масштабом и художественным совершенством. Их отдельные детали находят аналогии в других русских древностях, но в целом пышная филигранная декорация уникальна. На близость этих украшений к западноевропейским XI–первой половине XIII в. указывал еще Н.П. Кондаков, отметивший неизвестные искусству Византии и типичные для романского искусства “своеобразные гнезда, приподнятые над поверхностью с помощью ажурного сканного плетения, в виде арочек” и рисунок скани “местного русского типа *не византийского* (выделено нами. – И.С.) рисунка” (Кондаков, 1896. С. 88, 89). Однако, вопреки мнению Н.П. Кондакова, в исследованиях Н.В. Жилиной, посвященных русской скани, эта цитата была процитирована ошибочно (вместо “не” – “но”) и использовалась в качестве дополнительного аргумента в определении скани клада как византийской по своим техническим характеристикам и элементам рисунка. Такое понимание цитаты могло быть связано с тем, что Н.П. Кондаков считал клад “явлением

русско-византийской среды” (Кондаков, 1896. С. 81, 84), но относилось это к включенным в него перегородчатым эмалям, среди которых две византийские и пять, сделанных по византийским канонам в Древней Руси. Как показывают аналогии, эмали, закрепленные на драгоценностях клада, более ранние, чем их оправы (Стерлигова, 2021), поэтому использовать их для датировки предметов в целом (Жилина, 2006. С. 322) или для доказательства их русского происхождения, о котором “свидетельствуют русские надписи на колтах с эмалью” (Монгайт, 1955. С. 152, 153), неправомерно.

Оценка украшений клада как русско-византийских не противоречила официальной идеологии советского периода, допускавшей “международные” орнаментальные мотивы в боярско-княжеском искусстве”, но лишь как элемент “оригинальных художественных образов, созданных русскими мастерами узорочья” (Рыбаков, 1971. С. 1). Как мы увидим, по отношению к Старорязанскому кладу 1822 г. такая оценка и поныне остается в научной литературе неизменной.

Впервые после Н.П. Кондакова западноевропейские аналогии украшениям клада были рассмотрены Г.Н. Бочарым. Сопоставление драгоценностей привело его к справедливому выводу о “существенных связях между ювелирами... прирейнских мастерских и рязанскими мастерами”. Но связи эти, по его мнению, осуществлялись посредством использования образцов (Бочаров, 1984. С. 171, 172; см. также: Бочаров, 1983. С. 34–42), поскольку “в сравнении с западноевропейскими, местные произведения выглядят проще и логика их построения более ясная, пластика мощнее и ритм четче” (Бочаров, 1984. С. 173).

С тем, что мнение о сходстве украшений клада с западноевропейскими “в целом верно”, не могла не согласиться и Н.В. Жилина (2010. С. 213). Однако после исследования их технологии, опираясь на параметры филигрании, она пришла к неожиданному для историков искусства выводу: украшения “выполнены в византийских традициях, как художественно-стилистических, так и технологических” (Жилина, 2006. С. 323; 2012. С. 38), при этом публикации Й. Вольтерса (Wolters, 1985) и Дж. Огдена (Ogden, 1994) – ведущих зарубежных специалистов по технологии средневековой филигрании, учтены не были. Украшения клада отнесены Н.В. Жилиной к различным “стилям”, предопределяющим их датировки: оправы медальонов – к “филигранному пышному”, бусины – к “строгому”, скань подвесок в форме колтов – к “филигранному строгому”, оправа обрзка с изображением Распятия – к “переходной стадии пышного стиля”, а перстни со вставками в конусных кастах, что совсем уж удивительно, – к “ковровому и пышному” (Жилина, 2014. С. 306,

Рис. 1. “Бармы или диадема”. Литография Дрегера (по: Вельтман, 1844).
Fig. 1. “Barmas or diadem”. Lithograph by Draeger (after Weltman, 1844)

307), хотя некоторые предметы разных “стилей” явно выполнены одним мастером. Как и Г.Н. Бочаров, Н.В. Жилина считает, что “художественные приемы” Византии были переработаны древнерусскими златокузнецами, создававшими “свои, своеобразные произведения”, а сходство филигрании с западноевропейской объясняет их общей принадлежностью к одной, завершающей фазе развития некоего международного орнаментального растительного стиля византийского происхождения, для которого характерны “плотность, многоярусность, объемность” (Жилина, 2010. С. 217).

Однако филигрань клада не имеет аналогий в византийском искусстве, более того, она принципиально чужда его стилистике. Несмотря на несомненное воздействие Византии на технологию западноевропейского художественного металла,

он развивался по иному стилистическому пути (Bosselmann-Ruickbie, 2014, 2018). Не случайно филигрань, не игравшая в тюретике средневизантийского периода существенной роли, в романском ювелирном искусстве была одной из ведущих техник.

Золотые “бармы” клада – украшения особого рода, их следует относить к значимым и знаковым элементам культуры раннефеодального общества с его так называемой экономикой даров. О роли таких предметов в системе ценностей и во всех деяниях властителей ярко свидетельствуют и западноевропейские хронисты (Видукинд Корвейский, 1975), и древнерусские летописи (Полное собрание..., 1997. Стб. 198, 199 и др.). Они принципиально отличаются от менее ценных золотых украшений и тиражируемых изделий из серебра и металлических сплавов: их стилистика,

Рис. 2. Ожерелье, собранное из медальонов и бусин Старорязанского клада 1822 г. Музеи Московского Кремля. Фото из архива автора. Здесь и далее без масштаба.

Fig. 2. Necklace assembled from medallions and beads of the 1822 Old Ryazan hoard. The Moscow Kremlin Museums. Photo from the author's archive. Henceforth, not to scale

орнаментация, технология и типология развивались по своим законам, не от простого к сложному, часто наоборот — от сложного к простому. Поэтому методология, выработанная для исследования городского художественного ремесла, здесь себя не оправдывает. Эти украшения нельзя рассматривать как пример региональной эволюции рязанского ювелирной школы и пышной стадии женского княжеского убора, сохранившего, по мнению Н.В. Жилиной, в отличие от киевского больше черт традиционного народного облика. Подобная позиция противоречит общеевропейской системе культурных закономерностей той эпохи, когда чужеземное, необычное считалось в среде элиты желанным, а приглашение “делателей” из иных земель было особенно престижным, свидетельствовало о могуществе властителей. Появление новых технологически и художественно сложных приемов могло быть лишь отчасти связано с чужеземными образцами, но прежде всего — с работами заезжих мастеров.

Деятельность “латинских” мастеров на Руси, возможная из-за определенного внутреннего родства культур Киевской Руси и европейских государств, которое не раз отмечали исследователи, давно и успешно изучается историками архитектуры и живописи, тогда как искусство златокузнецов, работавших с редкими драгоценными материалами непосредственно при дворах высоких заказчиков, все еще остается последним бастио-

ном “национального своеобразия”. Хотя “миграция мастеров в эпоху Средневековья являлась обычным явлением”, “вопрос о работе западно-европейских ювелиров в первой трети XIII в. на Руси в целом остается открытым” (Пуцко, 2005. С. 161).

Помимо стиля филигранной декорации украшений клада определенные связи с ювелирным искусством латинян можно видеть и в их типологии. Как и многие другие, клад дошел до нас не полностью, первоначальный вид его составных ожерелий остается дискуссионным. В Оружейной палате Московского Кремля медальоны клада, декорированные только с одной стороны, с 1980-х годов демонстрируются в виде двух ожерелий (их фотографии в витрине легко найти в Интернете), в которые включены и крупные ажурные дынеобразные бусины. Первое собрано из пяти медальонов, три из которых со священными изображениями (центральный из них, с образом Богородицы, чуть крупнее), а два боковых только с драгоценными камнями, но большего диаметра, чем эмалевые, чего не могло быть в системе христианских ценностей (рис. 2). Пять бусин этого ожерелья сетчатые, с арочками из гладкой проволоки, напаянными поверх миниатюрных отверстий, одна — с симметричным узором из сердцевидных завитков, выложенных из двойной вальцованной скани (рис. 3). Второе ожерелье собрано из четырех более крупных блях без изображений,

Рис. 3. Ожерелье. Деталь. Фото автора.
Fig. 3. Necklace. A detail. Photo by the author

аналогичных боковым бляхам первого ожерелья, и пяти “завитковых” бусин. Таким образом, эта реконструкция позволила использовать все найденные в кладе бусины.

Уже Н.П. Кондаков предположил, что три медальона с лицевыми эмалевыми изображениями входили в отдельное, не полностью сохранившееся ожерелье, к которому относились сетчатые бусины, а шесть медальонов без лицевых изображений – в другое, с иными бусинами, скань которых по мотивам близка скани этих медальонов (Кондаков, 1896. С. 93, 94). Но и в этом случае сохранившихся бусин не хватает, а второе ожерелье также неполное, в нем недостает еще одного медальона (диаметр сохранившихся медальонов колеблется от 9 до 10 см; один из них, самый крупный, первоначально мог быть центральным). Если следовать этой достаточно убедительной реконструкции, то не только размеры и вес второго ожерелья, первоначально состоявшего из семи медальонов, но и отсутствие священных изображений ставят под сомнение его связь с княжескими инсигниями. В контексте византийской традиции убор без священных изображений или крестов в числе инсигний быть не мог. А вот в культуре Западной Европы предроманской и романской эпохи круглые украшения, в большинстве своем не имеющие изображений, имели символическое значение и присутствовали в облачениях и королей, и высших церковных иерархов.

По размеру и типу декорации медальоны клада сходны с круглыми золотыми западноевропейскими фибулами конца X – первой трети XIII в. (рис. 4), в декоре которых использованы филигрань, эмали, драгоценные камни и жемчуг. Одна из фибул в связи с кладом неоднократно упоминалась исследователями, но без указания на ее высокий статус. Это большая золотая (диам. 7.99 см) фибула (рис. 5, 1) из найденного в

1880-х годах близ Мюнхена кладе, получившего широкую известность, как “Сокровище Гизелы”, королевы Германии и императрицы Священной Римской империи Гизелы Швабской (1027–1043), датируется 1020-ми годами (Schulze-Dörlamm, 1991). Пышный, сложно устроенный объемный и ажурный декор этой фибулы (Wolters, 2016) сродни “бляхам” Старорязанского клада (рис. 5, 2).

Подобные статусные предметы, выполненные в придворных мастерских, могли бытовать среди княжеских драгоценностей и в Киевской Руси, так как Рюриковичи были в свойстве с сыном Гизелы Швабской, императором Генрихом III. Ода Штаденская, родственница Генриха III и папы Льва IX, была матерью родоначальника династии муромских и рязанских князей Ярослава (до 1073–1129 гг.), внука Ярослава Мудрого и Ингерды Шведской. После смерти отца княжич Ярослав Святославич воспитывался в Германии, а потом вернулся на Русь. В XI–XII вв. Рюриковичи роднились с западноевропейскими властителями (Назаренко, 2000, 2005). Из-за канонических ограничений в степени родства при заключении христианских браков и политических соображений, свойственниками древнерусских князей того времени были в основном “немчины” (Литвина, Успенский, 2010. С. 17).

Старинные драгоценности латинян могли наследоваться от матерей и бабок многими князьями домонгольской Руси, современные – привозиться их иноземными женами. К таковым можно отнести найденную на Старорязанском городище роскошную западноевропейскую золотую фибулу начала XIII в. (Авдусина, 2022), долго числившуюся “киотцем” или оправой для креста (Монгайт, 1955. С. 151).

Крупные драгоценные камни в приподнятых ажурных оправках, появившихся в X в. и существовавших вплоть до первой четверти XIII в., наделили украшения особой символикой, связываемой богословами с сиянием Небесного Иерусалима и самим божественным присутствием. Сочинение о Двенадцати камнях одежд Аарона святителя Епифания Кипрского (†403), “умозрение которых ведет к благочестию”, было известно на Руси, оно было включено в Изборник 1073 г. князя Святослава Ярославича. К тому же драгоценным камням в книжности того времени приписывается множество магических и медицинских свойств. Западноевропейские принцессы из правящих династий, становившиеся аббатисами, вкладывали свои личные или специально созданные украшения в монастырские сокровищницы. К некоторым особо значимым реликвариям были “приложены” и драгоценные регалии властителей.

Эту европейскую традицию, несомненно, знали в Киевской Руси: золотые пояс и венец, “воз-

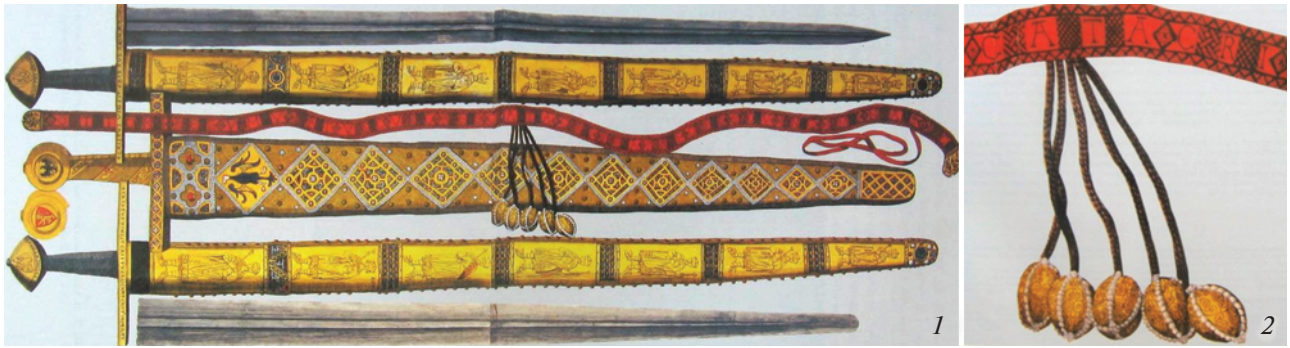
Рис. 4. Золотые фибулы из Британского музея (по: Ogden, 1993). 1 – ранний XI в.; 2 – поздний X–XI в.
Fig. 4. Gold fibulae from the British Museum (after Ogden, 1993)

Рис. 5. Золотая фибула (1) из Сокровища Гизелы и медальон (2) из Старорязанского клада 1822 г. 1 – первая половина XI в. Государственные музеи Берлина, Музей декоративно-прикладного искусства (по: Wolters, 2016); 2 – около 1200 г. Музеи Московского Кремля. Фото автора.

Fig. 5. Gold fibula (1) from Gisela's Treasure (after Wolters, 2016) and a medallion (2) from the 1822 Old Ryazan hoard (photo by the author)

Рис. 6. Утраченный золотой пояс (1) и его золотые бусины (2) — предмет императорских регалий Оттона IV. Гравюра 1751 г. И.А. Дельзенбаха, раскрашенная и изданная в 1790 г., и ее деталь. Нюрнберг, Государственный архив (по: Schulze-Dörrlamm, 1991).

Fig. 6. The lost golden belt (1) and its golden beads (2) — an object of the imperial regalia of Otto IV. Engraving by J.A. Delsenbach (1751) painted and published in 1790, and its detail. Nuremberg, State Archives (after Schulze-Dörrlamm, 1991)

ложенные” в XI в. на живописное Распятие (“якоже Латына чтуть”) варягом Африканом, были принесены его сыном Шимоном (Симоном) монахам Киево-Печерского монастыря с пожеланием повесить венец над жертвенником Успенского собора (Абрамович, 1930. С. 2, 3). Родственниками иноземных жен Рюриковичей могли быть латинские клирики, например, немецкое посольство, прибывшее в 1075 г. к князю Святославу, отцу упомянутого выше князя Ярослава, возглавлял Буркхард, настоятель богатейшего Трирского собора и одновременно брат жены князя Оды (Литвина, Успенский, 210. С. 11, 12). Княгини Киевской Руси не только сохраняли связи со своей родиной, но и могли оставаться в личном быту католичками (Назаренко, 2000; 2005. С. 281). Известны богатые вклады русских князей в латинские соборы и монастыри (Назаренко, 2005. С. 282).

Еще одним доказательством связей древнерусских и латинских элит служат и уже упомянутые ажурные бусины ожерелий Старорязанского клада 1822 г., украшенные жемчугом и драгоценными камнями. Свою жемчужную обнизь они утратили почти полностью, но шесть, декорированных филигранным сердцевидным узором, сохранили в своем декоре по четыре небольших алмадина в гладких гнездах, виртуозно закрепленных над пересечениями канавок для жемчужной обнизи. Эти гнезда аналогичны гнездам на оглавиях медальонов (рис. 3), и бусины, и оглавия явно были выполнены одним искусным ювелиром.

Серебряные и немногие золотые бусины русских кладов тщательно классифицированы Н.В. Жилиной (2010. С. 148–174), однако, бусины с жемчугом и драгоценными камнями в этой классификации не выделены. Филигранные бусины клада (Жилина, 2012. С. 45, 200. № 160, 161), производство которых, по мнению автора, сложилось в Рязани к середине XII в., были, как и

другие его украшения, отнесены к “комплексу русско-византийских ремесленных контактов” (Жилина, 2010. С. 173). Однако среди византийских древностей большие ажурные бусины не известны. Кроме старорязанских, других бусин с алмадинами в кладах нет. Золотые бусины с жемчужной обнизью в продольных и поперечных канавках, разделяющих поверхность на восемь сегментов (Жилина, 2012. С. 45, 200. № 160, 161), есть только в кладе 1900 г. из Сахновки (Жилина, 2012. № 162. Ил. на с. 199), правда, там бусины не ажурные, а глухие и гладкие. Характерные для Западной Европы гнезда драгоценных камней на украшениях из Сахновки заставляют предположить, что и бусины с жемчугом и камнями скорее связаны не с византийской, а с западноевропейской традицией.

Пять таких золотых филигранных бусин некогда входили в коронационные драгоценности (Reichskleinoden) императоров Священной Римской империи. Они служили шумящими подвесками к утраченному шелковому поясу с вытканым именем “Оттон”, известному только по гравюре 1751 г. (рис. 6).

Именно аналогия с бусинами Старорязанского клада 1822 г. была использована немецкой исследовательницей М. Шульце-Дерлам как один из аргументов для уточнения датировки и соответственно атрибуции церемониальных меча и пояса с золотой фурнитурой и свисающими дынеобразными бусинами (Schulze-Dörrlamm, 1995. Abb. 56). Они были датированы ею концом XII в. и связаны с императором Оттоном IV (1198–1218), коронованным в 1198 г. в Аахене в качестве римско-германского короля и в качестве императора в 1209 г. в Риме. Следует подчеркнуть, что церемониальный меч императоров Священной Римской империи (“Меч святого Маврикия”) с поясом являлся первой и главной инсигнией. Видукинд Корвейский в описании корона-

ции Оттона I упоминает меч с поясом, лежавший на алтаре и прежде всего врученный Оттону архиепископом в знак мирской власти, которую он получает от Бога (Видукинд Корвейский, 1975. С. 154). Над декором императорских меча и пояса Оттона IV, несомненно, работали лучшие мастера той эпохи.

Конечно, суммарное изображение бусин на гравюре XVIII в. не позволяет утверждать, что они были полностью аналогичны старорязанским, но основания для связи последних с украшениями имперских регалий, выполненными европейскими ювелирами, они дают.

Среди немецких золотых драгоценностей той эпохи можно указать на еще один памятник, созданный в правление Оттона IV и даже исторически с ним связанный — это филигранный оклад реликвария святого Серватия, хранящийся в Кведлинбурге (рис. 7). Реликварий состоит из резного ларца слоновой кости с изображением Христа, 11 апостолов и их символов, изготовленного при дворе Карла Лысого в Западно-Франкской империи около 870 г., и частей, добавленных при его обновлении. Оно было предпринято около 1200 г. известной покровительницей искусства Агнес II, дочерью Конрада, маркграфа Мейсенского, которая в 1184–1203 гг. была аббатисой кведлинбургской монастыря. Ларец был снабжен новым основанием и украшен драгоценными камнями, золотой филигранью и перегородчатой эмалью. Слияние множества драгоценностей, украсивших реликварий при его обновлении, символизировало свет веры, подчеркивало истинности воплощение Христа (Garrison, 2020). Крупные завитки филигрании, частично перекрывающие друг друга и завершенные шариками зерни, в некоторых местах образующих цветы, выполнены как из сдвоенных вальцованных, так и из одинарных витых нитей. Узор лишен какой-либо регулярности, композиция асимметричная, энергичный и подвижный рисунок составляют ансамбль со стилистикой священных изображений и воплощают цветение и рост райских деревьев и трав. Некоторые участки декорации представляют собой близкую аналогию филигрании Старорязанскогоклада. Вероятно, эта аналогия не была упомянута Г.Н. Бочаровым из-за недоступности детального воспроизведения памятника, который был похищен из сокровищницы аббатства в 1945 г. и возвращен туда из США лишь в 1993 г.

Филигрань реликвария, как и бусины недошедшего до нас императорского пояса, а также другие близкие к ним драгоценности эпохи Оттона IV (Junghans, 2008) позволяют предположить, что в Рязани в конце XII — первой четверти XIII в. мог работать мастер из германских земель, создавший грандиозный ансамбль украшений и включивший в него более ранние перегородчатые

Рис. 7. Реликварий святого Серватия. Резные рельефы — около 870 г., золотой филигранный оклад — около 1200 г. Муниципальный музей, Кведлинбург (по: Garrison, 2020).

Fig. 7. Reliquary of St. Servatius. Carved reliefs, c. 870, gold filigree setting, c. 1200. The Quedlinburg Municipal Museum (after Garrison, 2020)

эмали. Немыслимо богатые ожерелья трудно соотнести с какими-либо реальными княжескими одеяниями, также, как и размеры, и вес огромных подвесок в форме колтов (Стерлигова, 2017). Скорее всего, эти драгоценности, как и драгоценности современных латинских правителей, предназначавшиеся для святынь, являлись даром высококочтимой Богородичной иконе.

Сведения о подобных вкладыях князей можно найти в древнерусских текстах. Приведем лишь один пример. Согласно летописной записи 1155 г. князь Андрей Боголюбский создал невероятные по своему богатству украшения для византийской иконы Богородицы, перенесенной им из Киева и поставленной в “своей” княжеской церкви во Владимире. “Князь вквал” в икону 30 гривен одного только золота (Полное собрание..., 1997. Стб. 346). Киевская гривна весила 163–165 г, новгородская, распространившаяся по всей территории Руси с середины XII в., — 204 г. Этот вес невозможно связать лишь с окладом, для иконы яв-

но были созданы и другие украшения, скорее всего массивный сдвоенный венец и ожерелье.

Итак, можно предположить, что филигранные драгоценности Старорязанского клада 1822 г. были выполнены в Рязани около 1200 г. при участии немецких ювелиров и свидетельствуют о связях княжества с другими европейскими землями. Воплощая в искусстве собственные вкусы и пристрастия, Русь активно усваивала и перерабатывала чужое. Здесь получили распространение и развитие не только западноевропейские художественные техники, но и работали выдающиеся западноевропейские мастера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамович Д.И.* Киево-Печерский патерик. Киев: Друкарня Всеукраїнської академії наук, 1930 (Пам'ятки мови та письменства Давньої України; т. 4). 280 с.
- Адусина С.А.* Ювелирные изделия из Старой Рязани в собрании Государственного исторического музея // Российская археология. 2022. № 2.
- Бочаров Г.Н.* Клад 1822 г. из Старой Рязани // Музей. Художественные собрания СССР. Вып. 4. М.: Советский художник, 1983. С. 34–42.
- Бочаров Г.Н.* Художественный металл Древней Руси: X–начало XIII в. М.: Наука, 1984. 320 с.
- Вельтман А.* Московская оружейная палата. М.: Тип. Н. Степанова, 1844. 172, 74, VIII с., 33 л. ил.
- Видукинд Корвейский.* Деяния саксов / Вступ. ст., пер. и коммент. Г.Э. Санчука. М.: Наука, 1975. 272 с.
- Древности Российского государства, изданные по высочайшему повелению. Отд. 2. М., 1851. IV, XVI, 119 с., 100 л. ил.
- Жилина Н.В.* Зернь и скань рязанских барм // Георгий Карлович Вагнер. Ученый, художник, человек / Сост. М.А. Некрасова и др. М.: Ин-т мировой литературы РАН, 2006. С. 314–324.
- Жилина Н.В.* Зернь и скань Древней Руси. М.: ИА РАН, 2010. 260 с.
- Жилина Н.В.* Зернь и скань Древней Руси. Приложение. М.: ИА РАН, 2012. 388 с.
- Жилина Н.В.* Древнерусские клады IX–XIII вв.: классификация, стилистика и хронология украшений. М.: Либроком, 2014. 292 с.
- Калайдович К.Ф.* Письма к Алексею Федоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии, с рисунками найденных там в 1822 году древностей. М.: Унив. тип., 1823. 76 с., 5 л. ил.
- Кондаков Н.П.* Русские клады: исследование древностей великокняжеского периода. Т. 1. СПб.: Имп. Археолог. комиссия, 1896. 4, 214 с., 20 л. ил.
- Корзухина Г.Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 156, 74 с.
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Монастырь св. Симеона в Киеве и русско-немецкие связи второй половины XI в. // Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Траектории традиции: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI – начала XIII века. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 9–20.
- Монгайт Л.А.* Старая Рязань. М.: Изд-во АН СССР, 1955 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 49) (Материалы и исследования по археологии древнерусских городов; т. 4). 228 с.
- Назаренко А.В.* Русско-немецкие связи домонгольского времени (IX – середина XIII в.): Состояние проблемы и перспективы дальнейших исследований // Славяно-германские исследования. Т. 1. М.: Индрик, 2000. С. 19–79.
- Назаренко А.В.* “Зело неподобно правоверным” (Межконфессиональные браки на Руси в XI–XII вв.) // Вестник истории, литературы, искусства: альманах. Т. 1 / Гл. ред. Г.М. Бонгард-Левин. М.: Собрание, 2005. С. 269–279.
- Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 733 с.
- Пуцко В.Г.* Старорязанский клад 1822 г. № 162 и ювелирное искусство в элитарной культуре домонгольской Руси // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV вв. / Отв. ред. А.Н. Наумов. Тула: Инфра, 2005. С. 159–175.
- Рыбаков Б.А.* Русское прикладное искусство X–XIII веков. Л.: Аврора, 1971. 128 с.
- Стерлигова И.А.* “Колты” из Старорязанского клада 1822 года: драгоценности рязанской княгини или Царицы Небесной? // В камне и бронзе: сб. ст. в честь Анны Песковой / Ред. А.Е. Мусин, О.А. Щеглова. СПб.: ИИМК РАН, 2017 (Труды Ин-та истории материальной культуры РАН; т. XLVIII). С. 583–594.
- Стерлигова И.А.* О древнейших перегородчатых эмалях со священными изображениями, созданных на Руси // Вестник сектора древнерусского искусства. 2021. № 1. С. 12–30.
- Шаниро М.* Стиль // Советское искусствознание. Вып. 24. М.: Сов. художник, 1988. С. 385–425.
- Bosselmann-Ruickbie A.* Das Verhältnis der ‚Schedula diversarum artium‘ des Theophilus Presbyter zu byzantinischen Goldschmiedearbeiten: Grenzüberschreitende Wissensverbreitung im Mittelalter? // Zwischen Kunsthandwerk und Kunst: Die ‚Schedula diversarum artium‘. Berlin: De Gruyter, 2014. S. 333–368.
- Bosselmann-Ruickbie A.* Contact between Byzantium and the West from the 9th to the 15th Century: Reflections in Goldsmiths’ Works and Enamels // Menschen, Bilder, Sprache, Dinge: Wege der Kommunikation zwischen Byzanz und dem Westen. 1. Bilder und Dinge. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2018 (Byzanz zwischen Orient und Okzident; 9). S. 75–104.
- Garrison E.* A Curious Commission: The Reliquary of St. Servatius in Quedlinburg // Gesta. 2020. V. 49. № 1. P. 17–29.
- Junghans M.* Armreliquiar des hl. Nikolaus // Der heilige Schatz im Dom zu Halberstadt / Hrsg. H. Meller, I. Mundt. Regensburg: Schnell & Steiner, 2008. S. 104.
- Ogden J.* The Technology of Medieval Jewelry // Ancient & historic metals: conservation and scientific research: proceedings of a symposium, organized by the J.-Paul

- Getty Museum and the Getty Conservation Institute, November 1991 / Eds. D.A. Scott, J. Podany, B.B. Conside. Los Angeles: Getty Conservation Institute, 1994. P. 153–182.
- Schulze-Dörrlamm M.* Der Mainzer Schatz der Kaiserin Agnes aus dem mittleren 11. Jahrhundert. Neue Untersuchungen zum sogenannten “Gisela-Schmuck”. Sigmaringen: Thorbecke, 1991 (Römisch-Germanisches Zentralmuseum. Monographien; Bd. 24). 135 S.
- Schulze-Dörrlamm M.* Das Reichsschwert. Ein Herrschaftszeichen des Saliens Heinrich IV. und des Welfen Otto IV. Mit dem Exkurs “Der verschollene Gürtel Kaiser Ottos IV”. Sigmaringen: Thorbecke, 1995 (Römisch-Germanisches Zentralmuseum. Monographien; Bd. 32). 126 S.
- Wolters J.* Filigran (Filigranarbeiten, Filigrandraht) // Reallexikon zur Deutschen Kunstgeschichte. Bd. VIII. München, 1985. S. 1062–1184.
- Wolters J.* Goldschmiedetechnische Beobachtungen am sogenannten, Giselaschmuck. Ein Überblick // Das Mittelalter. 2016. V. 21. № 2. S. 295–331.

JEWELLERY OF THE 1822 OLD RYAZAN HOARD IN THE WESTERN EUROPEAN CONTEXT: A FEW REMARKS BY AN ART HISTORIAN

Irina A. Sterligova^{a, #}

^aThe State Institute of Art Studies, Moscow, Russia

[#]E-mail: irinasterligova@mail.ru

The article presents an examination of the gold jewellery of the 1822 Old Ryazan hoard against the background of the high-status jewellery of the Western European rulers from the 11th–13th centuries. Golden *barmas* (collar necklaces), identified in the 19th century as princely regalia, are fundamentally different from less valuable, extensively produced jewellery. The style, technology and typology of such items of jewellery developed according to their own rules, and therefore *barmas* cannot be regarded as an example of a regional evolution of a jewellery school in Ryazan that, though oriented on Western European models, was working within Byzantine traditions. This view contradicts the overall European system of cultural regularities of that period: the emergence of new technological and artistic techniques was primarily associated with the work of visiting craftsmen. Western European analogies make it possible to suggest that there was a craftsman from the German lands working in Ryazan at the turn of the 12th–13th centuries who created an assemblage of filigree votive gifts for the icon of the Theotokos.

Keywords: gold jewellery, research methodology, style, purpose, Rus, Western Europe.

REFERENCES

- Abramovich D.I.*, 1930. Kievo-Pechers'kiy paterik [Kiev-Pechersk Paterikon]. Kiev: Drukarnya Vseukraïns'koï akademii nauk. 280 p. (Pam'yatki movi ta pis'menstva Davn'oi Ukraini, 4).
- Avdusina S.A.*, 2022. Jewellery from Old Ryazan in the collection of the State Historical Museum. *Rossiyskaya arkhologiya [Russian archaeology]*, 2. (In Russ.)
- Bocharov G.N.*, 1983. The hoard of 1822 from Old Ryazan. *Muzey. Khudozhestvennye sobraniya SSSR [Museum. Art collections of the USSR]*, 4. Moscow: Sovetskiy khudozhnik, pp. 34–42. (In Russ.)
- Bocharov G.N.*, 1984. Khudozhestvennyy metall Drevney Rusi: X – nachalo XIII v. [Artistic metal of Rus: the 10th – early 13th century]. Moscow: Nauka. 320 p.
- Bosselmann-Ruickbie A.*, 2018. Contact between Byzantium and the West from the 9th to the 15th Century: Reflections in Goldsmiths' Works and Enamels. *Menschen, Bilder, Sprache, Dinge: Wege der Kommunikation zwischen Byzanz und dem Westen*, 1. Bilder und Dinge. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, pp. 75–104. (Byzanz zwischen Orient und Okzident, 9).
- Bosselmann-Ruickbie A.*, 2014. Das Verhältnis der ‚Schedula diversarum artium‘ des Theophilus Presbyter zu byzantinischen. Goldschmiedearbeiten: Grenzüberschreitende Wissensverbreitung im Mittelalter? *Zwischen Kunsthandwerk und Kunst: Die ‚Schedula diversarum artium‘*. Berlin: De Gruyter, pp. 333–368.
- Drevnosti Rossiyskogo gosudarstva, izdannye po vysochayshemu poveleniyu [Antiquities of the Rus state, published under the supreme order], 2. Moscow, 1851. IV, XVI, 119 p., 100 p. ill.
- Garrison E.*, 2020. A Curious Commission: The Reliquary of St. Servatius in Quedlinburg. *Gesta*, vol. 49, no. 1, pp. 17–29.
- Junghans M.*, 2008. Armreliquiar des hl. Nikolaus. *Der heilige Schatz im Dom zu Halberstadt*. H. Meller, I. Mundt, Hrsg. Regensburg: Schnell & Steiner. S. 104.
- Kalaydovich K.F.*, 1823. Pis'ma k Alekseyu Fedorovichu Malinovskomu ob arkhologicheskikh issledovaniyakh v Ryazanskoy gubernii, s risunkami naydennykh tam v 1822 godu drevnostey [Letters to Alexei Fedorovich Malinsky about archaeological research in Ryazan province, with drawings of antiquities found there in 1822]. Moscow: Universitetskaya tipografiya. 76 p., 5 p. ill.
- Kondakov N.P.*, 1896. Russkie klady: issledovanie drevnostey velikoknyazheskogo perioda [Hoards of Rus: a study of the antiquities of the Grand Dukes period], 1. St. Petersburg: Imperatorskaya Arkheologicheskaya komissiya. 4, 214 p., 20 p. ill.

- Korzukhina G.F.*, 1954. Russkie klady IX–XIII vv. [Rus hoards of the 9th–13th centuries]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. 156, 74 p.
- Litvina A.F., Uspenskiy F.B.*, 2010. The St. Simeon Monastery in Kiev and Russian-German relations in the second half of the 11th century. *Litvina A.F., Uspenskiy F.B. Traektorii traditsii: Glavy iz istorii dinastii i tserkvi na Rusi kontsa XI – nachala XIII veka [Paths of tradition: Chapters from the history of the dynasty and the church in Rus in the late 11th – early 13th century]*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, pp. 9–20. (In Russ.)
- Mongayt L.A.*, 1955. Staraya Ryazan' [Old Ryazan]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 228 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 49) (Materialy i issledovaniya po arkheologii drevnerusskikh gorodov, 4).
- Nazarenko A.V.*, 2000. Russian-German relations of the pre-Mongol period (9th–mid 13th century): Problem state and prospects for further research. *Slavyano-germanskie issledovaniya [Slavic-German studies]*, 1. Moscow: Indrik, pp. 19–79. (In Russ.)
- Nazarenko A.V.*, 2005. “Very inappropriate for the Orthodox” (Interconfessional marriages in Rus in the 11th–12th centuries). *Vestnik istorii, literatury, iskusstva: al'manakh [Bulletin of history, literature and arts: Almanac]*, 1. G.M. Bongard-Levin, ed. Moscow: Sobranie, pp. 269–279. (In Russ.)
- Ogden J.*, 1994. The Technology of Medieval Jewelry. *Ancient & historic metals: conservation and scientific research: proceedings of a symposium, organized by the J.-Paul Getty Museum and the Getty Conservation Institute, November 1991*. D.A. Scott, J. Podany, B.B. Conside, eds. Los Angeles: Getty Conservation Institute, pp. 153–182.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete Collection of Russian Chronicles], I. Lavrent'evskaya letopis' [Laurentian Chronicle]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1997. 733 p.
- Putsko V.G.*, 2005. The Old Ryazan hoard of 1822 No. 162 and jewellery in the elite culture of pre-Mongol Rus. *Kulikovo pole i Yugo-Vostochnaya Rus' v XII–XIV vv. [Kulikovo Field and South-Eastern Rus in the 12th–14th centuries]*. A.N. Naumov, ed. Tula: Infra, pp. 159–175. (In Russ.)
- Rybakov B.A.*, 1971. Russkoe prikladnoe iskusstvo X–XIII vekov [Applied arts of Rus of the 10th–13th centuries]. Leningrad: Avrorra. 128 p.
- Schulze-Dörrlamm M.*, 1991. Der Mainzer Schatz der Kaiserin Agnes aus dem mittleren 11. Jahrhundert. Neue Untersuchungen zum sogenannten “Gisela-Schmuck”. Sigmaringen: Thorbecke. 135 p. (Römisch-Germanisches Zentralmuseum. Monographien, 24).
- Schulze-Dörrlamm M.*, 1995. Das Reichsschwert. Ein Herrschaftszeichen des Saliers Heinrich IV. und des Welfen Otto IV. Mit dem Exkurs “Der verschollene Gürtel Kaiser Ottos IV”. Sigmaringen: Thorbecke. 126 p. (Römisch-Germanisches Zentralmuseum. Monographien, 32).
- Shapiro M.*, 1988. Style. *Sovetskoe iskusstvoznanie [Soviet art studies]*, 24. Moscow: Sovetskiy khudozhnik, pp. 385–425. (In Russ.)
- Sterligova I.A.*, 2017. “Colts” from the Old Ryazan hoard of 1822: Jewels of the Ryazan Princess or the Holy Mother? *V kamne i bronze: sbornik statey v chest' Anny Peskovoy [In stone and bronze: Collected of articles in honour of Anna Peskova]*. A.E. Musin, O.A. Shcheglova, eds. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 583–594. (Trudy Instituta istorii material'noy kul'tury RAN, XLVIII). (In Russ.)
- Sterligova I.A.*, 2021. On the earliest cloisonne enamels with sacred images created in Rus. *Vestnik sektora drevnerusskogo iskusstva [Bulletin of the Rus Art Department]*, 1, pp. 12–30. (In Russ.)
- Vel'tman A.*, 1844. Moskovskaya oruzheynaya palata [Moscow Armoury]. Moscow: Tipografiya N. Stepanova. 172, 74, VIII p., 33 p. ill.
- Vidukind Korveyskiy*, 1975. Deyaniya saksov [Deeds of the Saxons]. G.E. Sanchuka, transl. Moscow: Nauka. 272 p.
- Wolters J.*, 1985. Filigran (Filigranarbeiten, Filigrandraht). *Reallexikon zur Deutschen Kunstgeschichte*, VIII. München, pp. 1062–1184.
- Wolters J.*, 2016. Goldschmiedetechnische Beobachtungen am sogenannten ‘Giselaschmuck’. Ein Überblick. *Das Mittelalter*, vol. 21, no. 2, pp. 295–331.
- Zhilina N.V.*, 2006. Granulation and filigree of Ryazan collar necklaces. *Georgiy Karlovich Vagner. Uchenyy, khudozhnik, chelovek [Georgy Karlovich Vagner. Scientist, artist, person]*. M.A. Nekrasova, comp. Moscow: Institut mirovoy literatury Rossiyskoy akademii nauk, pp. 314–324. (In Russ.)
- Zhilina N.V.*, 2010. Zern' i skan' Drevney Rusi [Granulation and filigree art of Rus]. Moscow: IA RAN. 260 p.
- Zhilina N.V.*, 2012. Zern' i skan' Drevney Rusi. Prilozheniya [Granulation and filigree art of Rus. Supplements]. Moscow: IA RAN. 388 p.
- Zhilina N.V.*, 2014. Drevnerusskie klady IX–XIII vv.: klassifikatsiya, stilistika i khronologiya ukrasheniy [Rus hoards of the 9th–13th centuries: Classification, style and chronology of jewellery]. Moscow: Librokom. 292 p.